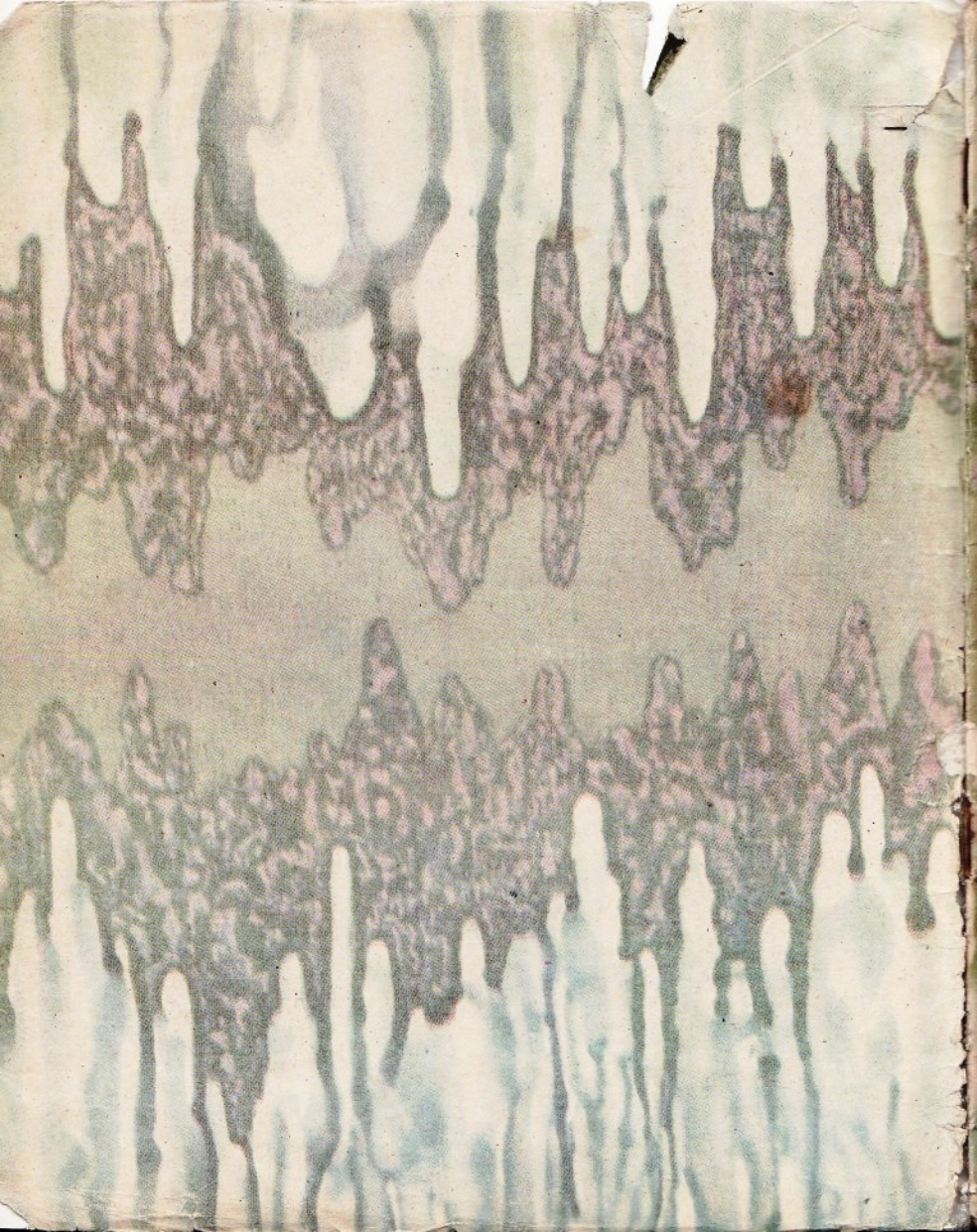
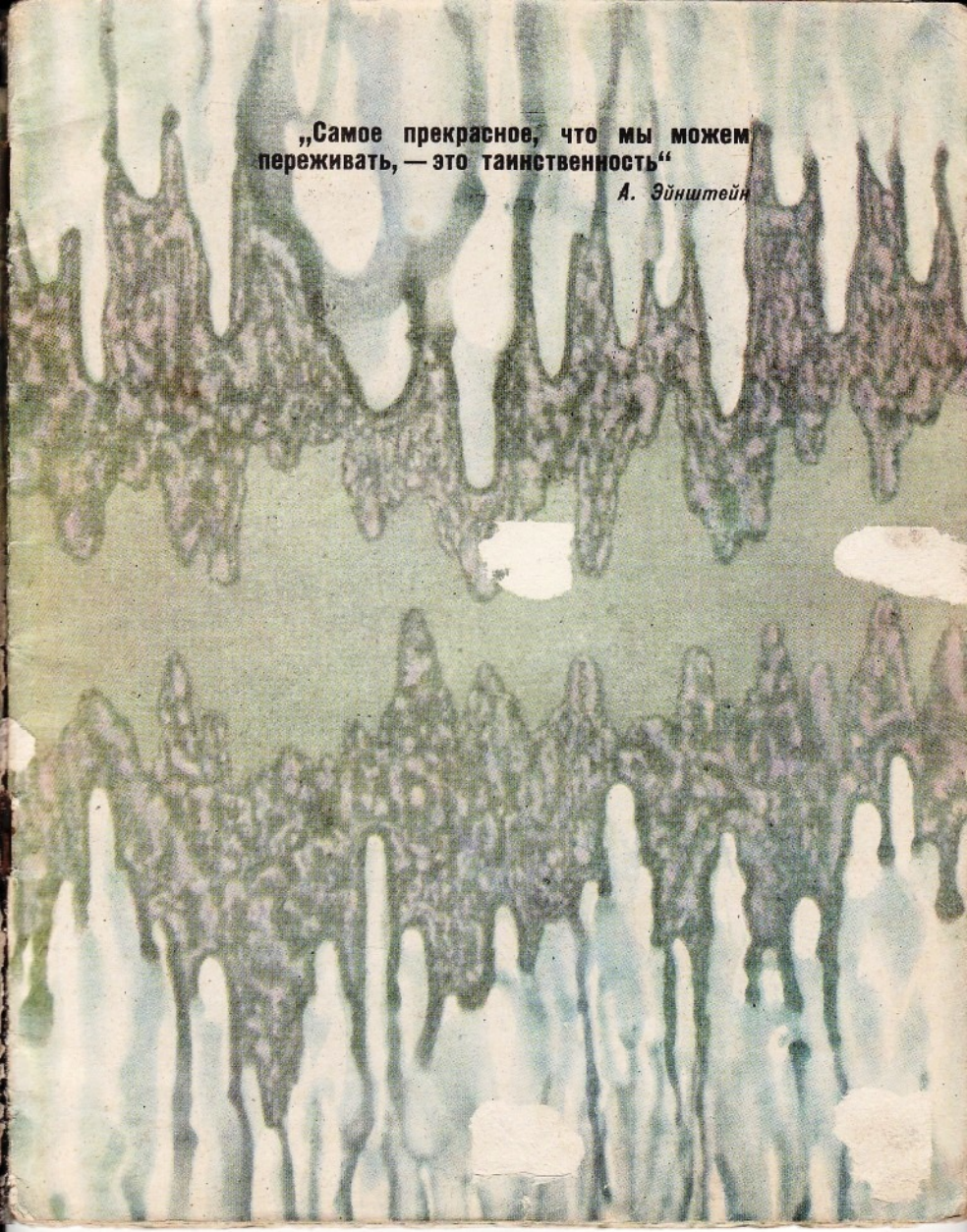
Н. СЛАДКОВ

ПОД КАМЕННЫМ НЕБОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“





„Самое прекрасное, что мы можем переживать, — это таинственность“

А. Эйнштейн

РИСУНКИ К. ОВЧИННИКОВА

Н. СЛАДКОВ

ПОД КАМЕННЫМ НЕБОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
ЛЕНИНГРАД 1965

Нравится тебе тишина? Не вздрогнешь, если за шиворот посыплется холодный песок? Хватит сил лечь в глинистую жижу и поползти? Сумеешь ты изогнуться, как червяк, и пролезть в тесную каменную щель? Не испугают тебя темнота, чёрная пропасть, грохот подземного водопада? Умеешь ли ты нырять, плавать, карабкаться по каменным стенам?

Если нравится, если сумеешь и не боишься, — то годен ты для путешествия в таинственный подземный мир. Не сейчас, конечно, а когда подрастёшь...

Ходим мы под небом. Плаваем, случается, под водой. Но мало кто из нас бывал под землёй. Потому-то я и решил спуститься под землю, чтобы всё увидеть своими глазами...

Легко сказать — спуститься!

Легко проникнуть под землю кроту: у него лапы-лопаты. Легко пролезть червяку: тонкий и без костей. А человек не червяк и не крот.

Но человеку и не нужно рыть землю, как червяку или кроту За него это сделала вода: она промыла глубоко под землёй тоннели и коридоры, которые люди назвали ПЕЩЕРАМИ.

В пещерах темно. Не просто темно, а темным-темно.

В пещерах пропасти — как бездонные колодцы. Бросишь камень — и долго ждёшь, пока услышишь стук.

В пещерах даже есть реки — бурные и ледяные.

Чтобы победить темноту, надо взять сильный фонарь. Чтобы спуститься в каменные колодцы, — захватить верёвочную лестницу. А чтобы проплыть по подземной реке, — резиновую лодку.

И тогда можно проникнуть так далеко и так глубоко, как не проникало ещё под землю ни одно живое существо.

Ни души вокруг: только ты, человек, да подземное царство...

КАЖЕТСЯ

Если в пустой пещере вдруг услышишь шаги и шёпот, — не верь ушам. Это тебе кажется.

В пещерах часто кажется то, чего нет. Пещеры любят пугать...

Простую трещину они превращают в разлом, выемку в яму, а яму — в бездну. Тупики кажутся бесконечными тоннелями, каменные залы — пустотами без потолка и стен, лужи — озёрами без берегов.

Ручьи вдруг начинают вздыхать и плакать, а то и разговаривать человеческими голосами. А каменные сосульки — петь.

Ветер ревёт, как яростная вода; вода же лепечет, как ласковый ветерок.

Капли там не только стучат и звенят, но, бывает, ещё и... свистят! Свистят, как диковинные подземные птицы!

Прозрачная вода вдруг видится непроглядно-чёрной или... или никак не видится! И узнаёшь о ней только тогда, когда нечаянно ступишь ногой.

Пещеры любят обман.

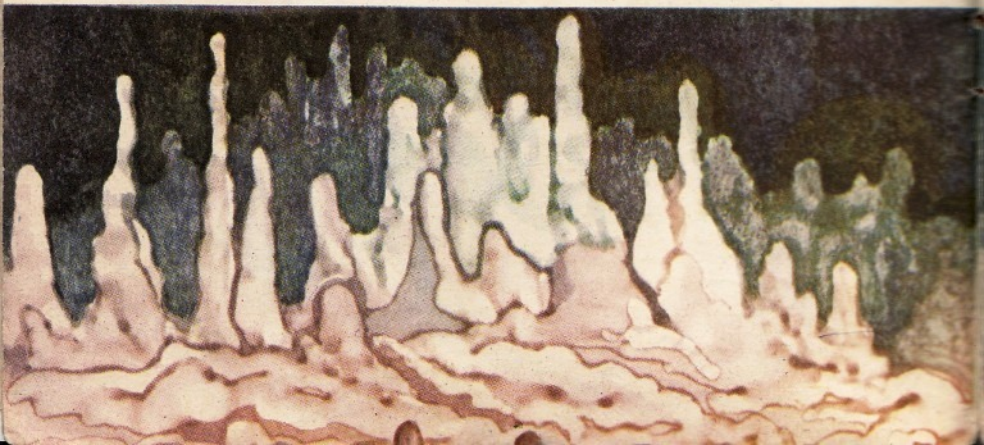
Они удлиняют расстояния и укорачивают время.

И ещё они влекут.

Манят залами и проходами туда, где не ступала нога человека. Сулят открытия и находки, приключения и победы.

И это уже без обмана.

Это уже всерьёз.



ТИШИНА... ТЕМНОТА

Нигде больше нет такой тишины, как под землей. Но странная это тишина: она не успокаивает, а настораживает. Всё ждёшь: вот-вот что-то услышишь. И весь становишься как настороженное ухо. И вслушиваешься так, что начинаешь слышать тишину...

Вот тут-то пещера и подурачит новичка! Он непременно услышит всё то, что больше всего боится услышать.

Если он боится диких зверей, то обязательно услышит крадущиеся шаги и злобное ворчание. Если его пугает обвал, он услышит далёкий грохот камней, а если наводнение, — плеск приближающейся воды.

Если он отстал от своих товарищей, то голоса их будут слышны совсем не оттуда, куда они ушли.

Вот тогда-то к новичку приходят страх и растерянность. И хочется громко крикнуть, чтоб заглушить эту обманчивую тишину.

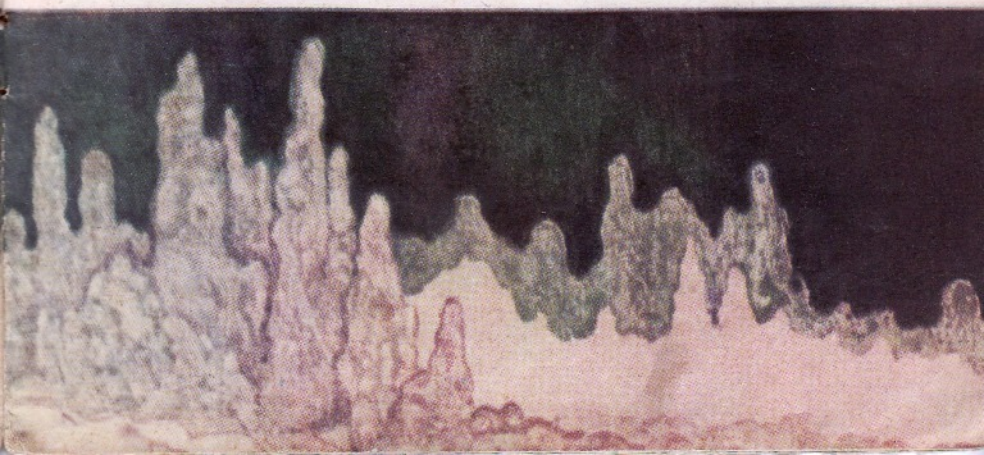
Но кричать не надо. Надо заново учиться слушать.

И поменьше бояться.

И не надо вглядываться в темноту. Без фонаря всё равно ничего не увидишь. Потому что нет на земле места, где было бы темнее, чем под землёй. Ни кошка, ни даже сова ничего не увидят там. Там ни утра, ни вечера, ни дня — одна ночь.

В году 365 долгих ночей. И ночи подземной нет конца. Череда медленных беспросветных лет...

Пожелаем же исследователям перед спуском в пещеру доброй ночи. А после подъёма — доброго дня!



КАМЕННЫЙ ЛЕС

И под землёй бывают леса. Подземный лес похож на настоящий: теснятся стволы деревьев, свисают ветки, торчат сучки. Тут и там виднеются пни. Поднимаются цветы и травы. Даже растут грибы. И пробираться по подземному лесу так же трудно, как и в глухой тайге.

Но это мёртвый лес, каменный.

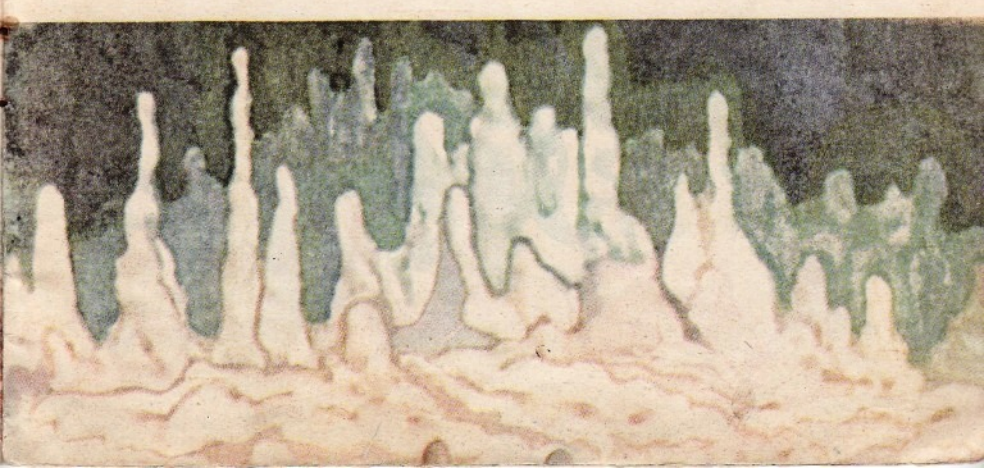
Каменные деревья, каменные кусты, каменные пни. Кусты и деревья растут не только снизу вверх, но и сверху вниз. Те, что растут вверх, — СТАЛАГМИТЫ. Те же, что, подобно сосулькам, растут вниз головой, — СТАЛАКТИТЫ.

На каждом шагу каменные грибы, каменные цветы и травы. Цветы и травы, которые никогда не осыпаются и не увядают. Грибы, которые никто не собирает.

Мёртвая тишина в мёртвом лесу.

Ни ветра в густых ветвях. Ни трепета листьев, ни запаха цветов. Ни пения птиц, ни звона кузнечиков. Всё неподвижно, беззвучно и глухо. Тусклый блеск. Молчание камня. Всё как во сне...

Да, каменный лес растёт. И если спилить каменный ствол, то на пне будут видны годовые кольца. Зимние — узкие кольца, и летние — широкие. Потому что летом больше воды просачивается сверху и, значит, больше осадков остаётся на стволах. Потому-то сразу и видно, сколько дереву лет и сколько зим. Иным деревьям многие-многие сотни...



ВЕТЕР ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ

Когда роешь землю, то выбрасываешь лопатой песок да камни. Ну ещё, бывает, дороешься до воды. Думал я, что и везде под землёй только песок, вода да камень. Ничего-то я не знал!

Однажды я протиснулся в тесную щель. В лицо ударил ледяной ветер и затушил свечу. Ветер из-под земли!

Чем дальше я полз, тем становилось холодней. Руки зашлись, я весь продрог, когда, наконец, выбрался из трубы. Я спрятал свечу и зажёг фонарь. Сполохи света закачались по сторонам: пещера была из стекла! Расплавленное стекло залило пол, потолок, стены, да так и застыло складками и сосульками. Гигантские стеклянные столбы уходили в темноту, и сквозь них виднелись другие, как бы повисшие в полумгле.

Пол был блестящий и гладкий, словно каток. И непроглядно-чёрный, как омут. Но стоило посветить — и сквозь толщу стекла, там, в глубине, засветились разноцветные камешки. Видно каждую песчинку. Идёшь как по воздуху. Страшно оступиться и рухнуть.

С потолка свисают тяжёлые люстры, гранёные подвески, стеклянные цепочки, сверкающие ёлочные гирлянды. А стены, как рыбьи бока, встопорщились блестящими чешуйками. Вдоль стен стоят литые прозрачные вазы. Поднимаются округлые тумбы.

— Хо-хо-хо-хо! — выкрикнул я. Но мне ответило только эхо. Тогда я топнул ногой — хрупкие подвески сорвались и, звеня, покатились под ноги. Я поднял осколок и положил на ладонь. Кристаллик вдруг съёжился, грани оплыли, он колыхнулся, как ртуть, и превратился... в каплю воды!

Лёд!

Вокруг не стекло, а лёд. И чешуйки, и колонны, и гирлянды, и вазы. И пол, и стены, и потолок. И ветер потому ледяной.

Пещера изо льда. Дворец ледяной королевы...

Я выбрался из-под земли и долго грелся на солнце.

ПОЮЩАЯ СОЛЬ

В этот раз я шёл не один. Спутник был новичком под землёй и всему удивлялся. Его поразили стены подземного коридора: они были снежно-белого цвета и тускло мерцали в луче фонаря.

— А я думал, что под землёй всё только чёрное!

Но больше всего его удивила и напугала тишина. Он нарочно громко топал ногами, чтобы заглушить её. Когда мы останавливались, он говорил:

— Вот не думал, что я так громко дышу!

И добавлял:

— А я слышу, как у тебя сердце стучит!

Сердце и я слышал: стучит. Как кулаком в дверь!

Мы шли, а он наступал мне на пятки, то и дело тыкал рукой в плечо и шептал:

— Ой, как тихо. Я слышу, как моргаю глазами. Слышу, как улыбаюсь!

Я останавливался, гасил фонарь и вслушивался изо всех сил. Нет, я не слышал своей улыбки — только дыхание и стук сердца.

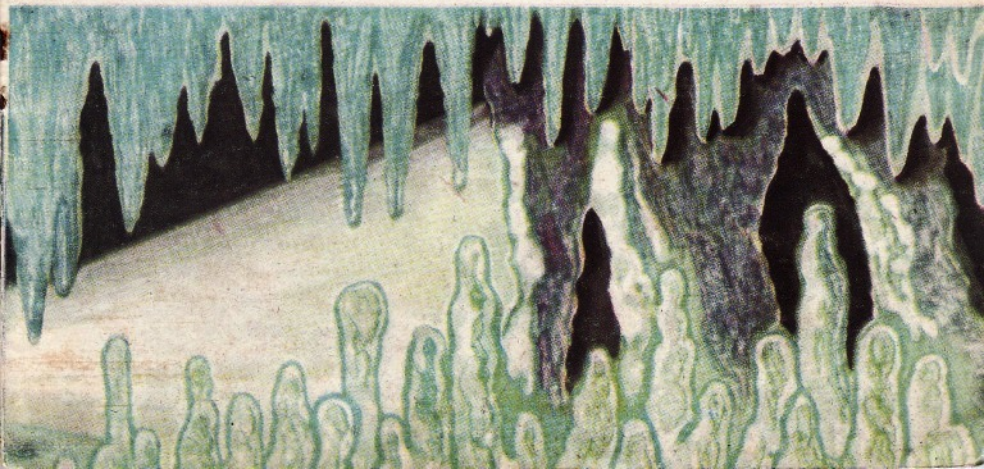
— Мерещится! — говорил я.

На развилке коридора он схватил меня за плечо и задышал в ухо:

— Слышишь? Поют...

— Может, капли звенят?

— Нет, поют.



— Может, бьётся летучая мышь?

— Нет, поют!!!

На этот раз и я услыхал. Даже скорее ощутил, чем услыхал. Что-то неясно звучало впереди. Мы ускорили шаги; пение приближалось и становилось ясней. Мы идём, упираясь руками в холодные белые стены. Да, впереди поют! Или играют на органе. Звуки торжественные, плавные, величавые. Они то отдаляются, затихают, то вдруг растут, накатываются, гудят. Мы слушаем, сдерживая дыхание.

Неожиданно наступает тишина, свет фонаря проваливается в пустоту. Мы в большом гроте. Я шарю фонарём, пытаясь нащупать лучом стены, но стен нет. Вокруг нас молчаливые голубые колонны, поддерживающие невидимый потолок. Я поднимаю фонарь: над головой гирлянды белых сосулек! Длинные и короткие, толстые и тонкие, прямые и искривлённые. Луч скользит по ним, и кажется, что они колышутся.

И вдруг там, среди леса сосулек, тихо загудела невидимая труба. Гудит она всё громче и громче, звук растёт как волна, заполняет весь зал: вот-вот треснут голубые колонны и обрушатся белые сосульки!

— Я слышу, как поднимаются дыбом волосы! — кричит товарищ.

У нас у обоих шевелятся волосы. Нет, не от страха — от сильного встречного ветра, подземного сквозняка!

Мы понимаем, что это он, ветер, поёт и засвистывает в сосульках, хлещет по ним тысячами песчинок.

Я бью кулаком по кончику длинной сосульки, она раскалывается и стучит по камням. Так и есть: в середине она пуста! Она и в самом деле похожа на трубку органа. Но сделана не из металла, а из... соли! Это соляная пещера, тут всё из чистой поваренной соли. И стены, и пол, и потолок. Всё белое, голубое и розовое.

Пещера торжественно гудит.

Наши сердца радостно стучат, как кулаком в дверь.

И мы глупо лижем осколки сосулек: соль, чистая соль!

ТАНЦУЮЩИЕ ЖЕМЧУЖИНЫ

Однажды я пошёл совсем в незнакомую пещеру. По дну пещеры текла река. Значит, это была совсем молоденькая пещера: реки обычно текут только в молодых пещерах. Было ей, наверное, всего-навсего каких-нибудь тысяча лет.

Я брёл по колено в воде, но воды не видел, такая она прозрачная. Фонарь освещал под ногами разноцветные камешки. Захочешь такой камешек поднять, нагнёшься, протянешь руку — и вдруг рука окунётся в воду! Холодная вода, как лёд.

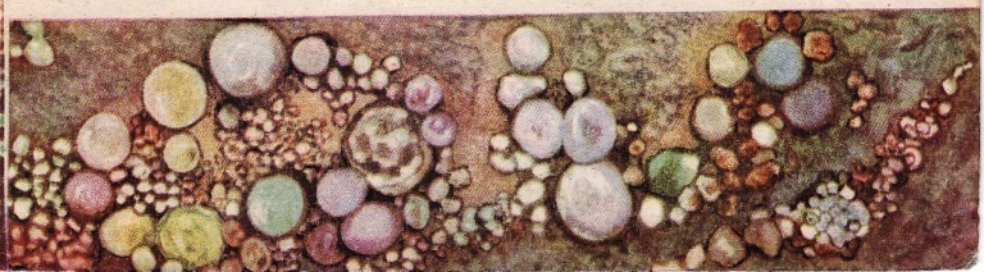
Я бурунил ногами воду, и каменный коридор ухал и охал от плеска воды. Но и сквозь этот гул расслышал я впереди какое-то неясное бормотание, будто кипел и булькал невидимый котёл. Я остановился: да, впереди клокотал котёл.

Осторожно, упираясь руками в низкий каменный потолок, стал я подходить к чёрной дыре, в которой исчезала вода реки. Заглянул вниз: клокотал и булькал водопад. Он был совсем небольшой, в человеческий рост. А внизу и вправду был котёл — широкая чаша, выбитая водой в камне.

Скользя по мокрым и скользким уступам, набрав полные сапоги воды, я сполз вниз и заглянул в чашу. И в чаше я увидел то, о чём много раз слыхал, но не видел ни разу в жизни. В чистой воде, среди пены и брызг, блестящие и лёгкие, как пузырьки воздуха, плясали... горошины жемчуга! Всякие: крохотные, с булавочную головку, и большущие, с голубиное яйцо. Я набрал их полную горсть — круглых, овальных, поблёскивающих, как ртуть. То совсем серых, то чуть розовых или чуть голубых, то жёлтых.

Сотни лет толклись в чаше с водой беспокойные песчинки и медленно и незаметно обрастали солями. Сотни лет... В полной темноте, в брызгах и пене, среди гула каменных стен. Неслышно, невидимо, тайно. Пока из песчинок не превратились в горстку жемчужин.

Много я слышал про жемчуг речной и морской. А увидеть довелось пещерный.



ДЫХАНИЕ ВОДЫ

Следы на снегу сохраняются дня три-четыре, а на песке — и того меньше. А мы шли по следу, которому самое малое 20 000 лет!

Огромные когти, как железные крючья, пробороздили глину. На подушечках голых подошв отпечатались даже морщинки и трещинки. А по краям бороздки от жёстких щетинок.

Тут прошёл пещерный медведь.

Может, это был последний пещерный медведь на земле, ведь вымерли они много тысячелетий назад. И вот на глине, похожей на мыло, отпечатки его огромных лапищ...

На снегу и песке следы стирают солнце и ветер. Но в этот каменный коридор никогда не проникал солнечный луч, и никогда ветер не шевелил в нём пыль. И следы сохранились так, что нам казалось, зверь прошёл только вчера, что мы идём по горячему следу. Вот-вот услышим грузную поступь и рёв, похожий на грохот обвала.

Нас было двое, и мы смело шагали вперёд.

— Давно замечено, — успокаивал меня спутник, — что там, где со страхом и трепетом пробирается один, двое идут смело и непринуждённо. Со мной не трусь! — И он пропускал меня... вперёд.

— Я прикрою тебя со спины! — говорил он.

За поворотом, на глиняной стене, мы увидели длинные борозды. Казалось, кто-то граблями пробороздил глину. Это пещерный медведь, поднявшись на задние лапы, оставил на стене свои метки — так же, как это до сих пор делает на деревьях его дикий лесной собрат.

— Хорошо, что это было давно, — изрёк мой храбрый товарищ. И опять подтолкнул меня вперёд.

Мы долго шли и вышли к крутому склону, уходящему в подземное озеро. Скалы нависли над чёрной водой, зайчик от фонаря прыгал по ним испуганно и беззвучно. И вот соскочил на след. Видно стало: тут медведь подошёл к краю склона, поскользнулся и съехал на брюхе вниз, пробороздив лапами глину. Как ясно представился нам косматый зверь, барахтавшийся в липкой глине! Он сползал в воду, и стены потрясал его тяжёлый рёв.

Двадцать тысяч лет назад в первый и последний раз вздыбилась чёрная вода подземного озера и, успокоившись, стала вновь тихой и неподвижной. Двадцать тысяч лет назад...

Товарищ судорожно схватил меня за руку. Я вздрогнул и взглянул туда, куда он направил луч света. Посреди чёрной воды вздулись пузыри, вода заколыхалась, пошли круги, и у берега задрожала рябь.

Мы прижались к стене.

Вода в озерке заклокотала: что-то огромное поднималось со дна!

Мы кинулись в боковой ход, он оказался крутым и грязным. Под ногами зачавкала жижа, руки по локоть проваливались в стены, похожие на раскисшее мыло. Но мы бешено рвались вверх и вперёд. Карабкались и сползали вниз, прямо к бурлящей воде.

Силы кончились, пальцы слиплись от глины, на ногах повисли глиняные гири. А озеро бурлило и клокотало, волны дробились и выплёскивались на берег. Но... но никто не показывался из воды!

А скоро озерко стихло и стало опять неподвижным и чёрным.

— Глупо! — сказал товарищ. — Глупо бояться, когда рядом с тобой я! — И он принялся ножом соскабливать с одежды глину.

И верно: глупо! Не пещерный же медведь, в самом деле, всплывал со дна! И ведь представится же такое. Как мы могли забыть про капризы подземных озёр? Ведь известно, что многие из них вдруг появляются и вдруг исчезают. В ливни вода поднимается до потолка и заливает тоннели, а в засуху вода уходит в дыру на дне — и на месте озера остаётся сухая чаша.

Есть озёра, вода в которых дышит. Она то вздымается, то спадает. То вверх, то вниз, ровно и плавно, как вдох и выдох. А в других бурлит и клокочет, задыхается от гнева и брызжет пеной. Вот так, как в этом...

Жаль, что мы спокойно не проследили за бурным дыханием воды. Заставили нас медвежьи следы прыгать зайцами.

А всё-таки веселее под землёй вдвоём, что ни говори! И верно: где один идёт со страхом, там двое пройдут шутя.

Мы быстро шагаем к выходу. Мы строим планы новых походов.

— Не трусь! — выкрикивает мой друг. — Видишь, я впереди!

БАБОЧКИ ПОД ЗЕМЛЁЙ

В глубь обрыва ушла штольня. Когда-то тут брали для стройки песок. В глубине штольня разветвилась на лазы, проходы и тупики — как рука с растопыренными пальцами.

Мы протиснулись в узкий лаз, осыпая плечами песок.

Хозяевами заброшенной штольни были теперь летучие мыши, мухи да комары.

Летучие мыши лежали и висели в тёмных углублениях стен. Ушаны прятали свои огромные уши в складках кожистых крыльев. А кожаны и ночницы, когда их гладили по шелковистой спине, сердито пищали и скалили зубы.

Мухи зимовали стаями, усыпав ровные стены. Так же зимовали и длинноногие тощие комары. А в тёмных проходах, где бахромой закудрявился иней, спали бабочки-совки.

Когда мы увидели их, мы забыли мышей, комаров и мух!

Бабочки сидели и так и сяк. Крылышки у всех шалашиком, а два усика — как два папоротниковых листка. Но это ещё не всё. На крылышках у них капли воды, большущие — с горошину! — росинки: вспыхивают, дрожат, переливаются.

Чиркнешь спичку — и сразу фейерверк!

Спичкой качнёшь — на стенах брызги огня!

Звёздочки зелёные, алые, синие. Чёрточки, искорки, стрелки!

ВСПОТЕВШИЕ ПОТОЛКИ

Уж этого-то я никак не ждал!

Где ещё можно надёжнее спрятаться от дождя? Тут над головой не зонт, не палатка, даже не крыша — каменная толща в несколько этажей!

И всё-таки я до нитки промок.

А не было ни ветра, ни туч, ни громыхания грома. Но неожиданно по шее ударила первая капля. И, как всякая дождевая капля, змейкой скользнула по спине.

Я поднял лицо — в лоб угодила вторая. И хлынул холодный дождь!

Не тихий обложной дождь — сеногной.

Не частый и дробный — грибной.

Даже не бешено сверкающий — грозовой.

Хлынул неведомый подземный ливень!

Не из тучи, а с потолка. Не косо, не боком, а сверху вниз.

Тут весь потолок набряк водой.

И капли на нём набухали тяжёлые, как увеличительные стекла.

Дождь был холодный и гулкий. И некуда было укрыться. Капли долбили в спину. Брызги летели на колени. Дождь звенел, как сосулечная капель.

Я пробежал чуть вверх и вперёд, и сразу дождя не стало. Под ногами пухлая пыль. Сушь и тишина. От подземного дождя трудно укрыться, но от него нетрудно уйти.

Здесь вечная сушь — рядом вечный дождь.

И между ними — сотня шагов!

Вот как оно под землёй.

Такого нигде не бывает.

Да и не может быть.

НЕДОТРОГИ

По тесной каменной трубе вполз я в широкую полость. С трудом разогнул замлевшую спину, сел на ледяную тумбу и зажёг фонарь. Да так и остался сидеть как примороженный!

Колыхнулась чёрная пустота и поднялись белые цветы. Белее снега, нежнее инея, тоньше паутины. Такие, что страшно шагнуть, страшно задеть, страшно громко сказать! Не всё под землёй только каменно, угловато и грубо. Не всё грязные лазы, узкие коридоры, заляпанные глиняной жижей. Вот передо мной чистое, тонкое, зыбкое! Смотрю растерянно и даже испуганно. И родится ж такое среди грязи и мрака!

Говорят, что нет ничего нежнее живых цветов. Цветы закрываются от капли дождя, цветы тускнеют, если их сорвать. А мимоза даже складывает листики, если их чуть коснуться рукой.

Но вот я вижу кое-что понежнее живых цветов — это цветы мёртвые, ледяные. Цветы глубоких, тёмных, холодных пещер.

Нечего и пытаться их сорвать — они рассыплются в прах, обратятся в лёгкое облачко ледяной пыли. Нельзя их и тронуть рукой. Нельзя даже к ним склониться, чтобы получше их разглядеть: они тают от тёплого дыхания! Они вянут от тепла протянутых рук. Оплывают просто от того, что я сижу с ними рядом. Гибнут от тепла тела, как от жаркого солнца!

Цветы вечной темноты, выросли они не для глаз, не для рук. Родились по каким-то своим подземным законам. Они непонятны, как непонятны ослепительные краски, скрытые в чёрной глубине океана. Кого они радуют там и кому они нужны, если никто их не может увидеть? Яркость живых цветов привлекает бабочек и пчёл: они опыляют цветы. Но кому нужна красота в глубине океана, где всё утонуло во мгле? Или в пещере, где живут слепые мокрицы и черви? Я лишний тут, не желая гублю, порчу не прикасаясь, убиваю чуть дыша!

Пора уходить. Но мне не встать! Может, я и впрямь очарован, застыл и остолбенел? Даже бросило в жар! И сейчас же на ближайших кристаллах от этого набухли капли воды!

Нет, так нельзя. Надо спокойно. Ага, я просто примёрз к ледяной тумбе. Со скрежетом отдираю брезентовые штаны ото льда и снова втискиваюсь в тесную щель. Подальше, подальше от нежных подземных цветов, от этих ледяных недотрог!

ХРУСТАЛЬНЫЙ ПОГРЕБОК

Редко-редко, когда уж очень повезёт, находят под землёй хрустальные погреба. Сам я никогда их не видел. Но кто видел, тот не удержится, чтоб не рассказать другим. Рассказывали о погребках и мне.

„Погребок" — это закрытая полость без входа и выхода, которая образовалась в изверженной вулканом породе — ПЕГМАТИТЕ.

Так геологи про них говорят.

А горщики — искатели красивых дорогих камней — называют погребки ЗАНОРЫШАМИ.

Находят их только случайно, ведь у погребка ни входа, ни выхода.

Погребок — настоящий подземный клад. Клад земли, ларец, переполненный самоцветами.

Стены, пол и потолок погребка усажены кристаллами цветных камней: розовыми, голубыми и жёлтыми топазами, лиловыми аметистами, бирюзовыми аквамаринами, синими, зелёными и красными шерлами. Глыбы горного хрусталя, гранёного, как лёд, и прозрачного, как вода родника.

Находят хрустальные погреба горщики.

Ювелиры выгранивают из самоцветов красивые вещи.

Техники вытачивают из них детали для тонких и точных приборов.

Так клад земли служит людям.

ЗЕЛЁНЫЙ СВЕТ

Мы заблудились.

Когда потеряешься в лесу, там всё приходит к тебе на помощь: мхи, травы, деревья, пни, муравейники, даже само солнце.

Совсем не то под землей.

Ручей не обязательно выведет к реке.

Тропа может завести в тупик.

Даже ветер, холодный подземный сквозняк, часто дует совсем не от входа.

Под землёй и от компаса пользы не много. Что толку знать, что выход на юге, если каменный коридор ведёт на запад или восток.

Мы уже не шли, а ползли.

Лежу плашмя, втиснутый в каменную трубу. Позади хрипло дышит товарищ. Упираюсь носками ботинок в уступ и с силой проталкиваюсь вперёд. Ой, как трудно дышать! А нет ничего страшнее тесноты и удушья. Помню, в детстве меня повалили и прижали лицо подушкой. Откуда только силы взялись: я расшвырял своих „врагов“ и вырвался из-под них. Но в каменной трубе бессмысленна сила, только терпение и расчёт.

Выдыхаю и чуть протискиваюсь вперёд. Глубоко вдыхаю грудью, поджимаю живот и чуть подтягиваю ноги. Так и ползу на дыхании, выкручиваюсь, как червяк.

Товарищ нарочно отстал: если я заклинюсь, он вытащит меня за ноги.

Фонарь я держу в зубах, он здорово мешает дышать. Нет, дальше так нельзя. Буду сигналить ногой — пусть тащит назад.

Разжимаю зубы и выпускаю фонарь. Он упал и погас. И я сразу увидел свет!

Свет слабый, зеленоватый, как через толщу воды. Но что из того: свет под землёй — это путеводная звезда в ночи!

Велика сила света. Всё живое тянется к свету. Цветы поворачиваются за солнцем. Птицы летят на свет маяков. Бабочки мчатся на свет ночного костра. Рыбы сплываются на свет фонаря. Но сильнее других тянется к свету человек. Свет — это жизнь. Это выход из подземного мрака.

Опять вдыхаю, то грудью, то животом. Выплёвываю песок. То

вытягиваюсь, то сжимаюсь. И вот вывалился из каменного горла, как вываливается весной из водосточной трубы подтаявшая глыба льда.

Но выхода не видно. Стены зальца светятся сами по себе!

Свет струится со стен, с потолка. Он под ногами и над головой. Всё усыпано изумрудными капельками росы. Нигде на земле мы не встречали такого света. Только однажды, в глубине лесного озера, у затенённого деревьями берега, видел я что-то подобное. Блики солнца качались по дну и выхватывали из темноты изумрудные пятна подводного мха.

Мох! Трогаем ладонями стены — под руками махровый ковёр. Стены затянуты мхом — особым, мерцающим изнутри, диковинным, светящимся пещерным мхом!

Мы подносим руки к глазам — и видим свои зелёные пальцы. Мы вытягиваем руки — чёрные растопыренные ладони беззвучно скользят по зелёному сиянию. В глазах товарища я вижу зелёные искры!

А скоро нашли и лазейку наверх: она оказалась рядом. Солнце наверху ослепило глаза. У ног яркий и пёстрый — даже в глазах зарябило! — альпийский луг. Над нами лиловые скалы. Под нами внизу деревья — как зелёные фонтаны, бьющие из-под земли. Всё в тысячу раз чудесней и сказочней, чем под землёй. И всё же видение чудесного грота, мерцание мохового ковра с изумрудной росой всё возникает вновь, стоит лишь только закрыть глаза...

ХОРОШО!

Есть у пещер особенность: что бы ни случилось там с вами плохого, тяжёлого, даже опасного — всё со временем обратят они в приятное воспоминание.

— А помнишь, как я два часа волчком крутился на верёвке над пропастью?

— А помнишь, как я заклинился в тесной дыре — ни вперёд ни назад?

— А помнишь, как мы заблудились и двое суток не ели и не спали? Хорошо!

Один мой приятель тонул. Он был отважный парень. Из всех нас он один отважился нырнуть в чёрную дыру, залитую водой, — в неё уходила подземная речка.

— Я могу не дышать две минуты! — сказал он. — Если через две минуты я не вернусь — тяните за линь.

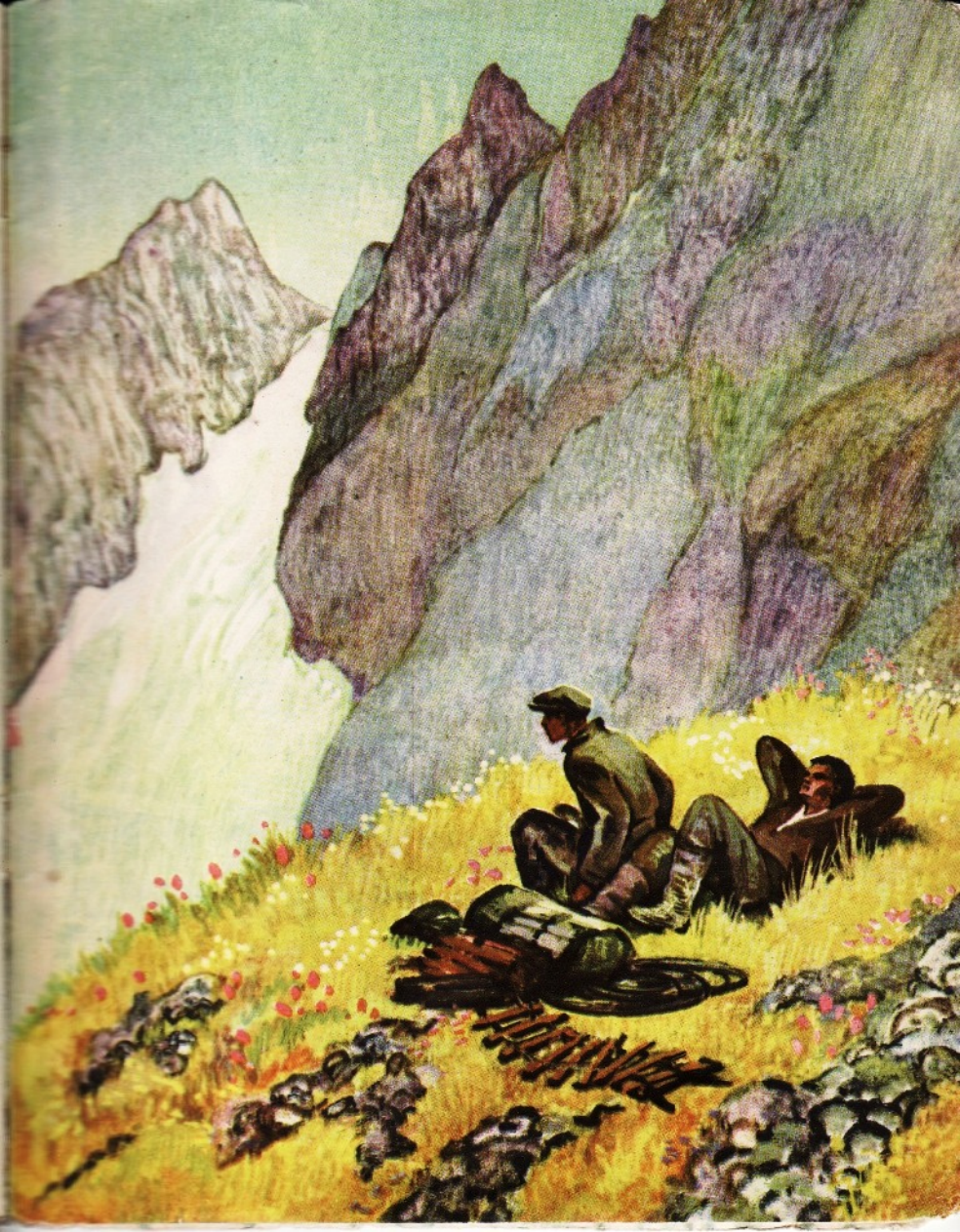
Не спеша надел маску и ласты, обвязался крепким шнуром, зашёл по плечи в воду, нащупал руками дыру под стеной и нырнул.

Я не знаю, что страшнее: нырять или вот так, в полном неведении, держаться за конец верёвки... Через полторы минуты мы не выдержали и потянули. Верёвка не поддалась: на конце её забилось тяжёлое тело, оно отчаянно сопротивлялось. Мы дружно навалились и выдернули ныряльщика из дыры, как окуня из ледяной лунки. Он плевался водой и бешено грозил кулаками.

Оказалось, что он нащупал в глубине подводного коридора нишу, где можно было высунуть голову из воды и дышать. Вот он там и дышал, переводя дух, когда мы неожиданно дёрнули, окунули его в воду и поволокли, стукая обо все косяки.

Кашляя и ругаясь, он всё же рассказал:

„Я сразу включил фонарь, но ничего не увидел, кроме жёлтого кружка на каменной стене. Так и плыл за этим жёлтым кружком, отталкиваясь от стен руками. На дне были камешки, как россыпь разноцветной фасоли. А воды будто и совсем не было, такая она была прозрачная. Но вдруг над головой загрохотали волны, прямо как морской прибой! Я дёрнулся вверх и... высунулся из воды. Над водой была ниша, и вода не доставала до потолка. Маленькие волны, поднятые мной, бились о стенки каменного мешка, но грохотали и гудели так, будто начинался обвал. Воздух был сырой, но чистый. Я облегчённо вздохнул“.



И вот тут мы стали его спасать.

„Так и думал, что либо заклинюсь и задохнусь, либо вы перервёте меня пополам!“

И он опять начал на нас кричать и грозить кулаками.

Но это тогда, в пещере.

А сейчас, вспоминая, как он чуть не утонул, он мечтательно говорит:

— Хорошо!

И голос у него мягкий. И движения рук плавные. И пальцы не сжаты в кулаки. И в глазах у него тоска. Тоска по подземным тоннелям, залитым водой.

САМАЯ ИНТЕРЕСНАЯ

В разных мы побывали пещерах; какая же из них самая интересная?

Нет, не та, в которой шумит подземный дождь.

Пожалуй, и не та, в которой нашли мы подземный жемчуг.

И даже не та, в которой спрятаны подземные клады — хрустальные погреба.

Самая интересная — в которой ты ещё не был. Особенно если никто ещё в ней не был. Самая интересная пещера — пещера неоткрытая.

Бросишь в провал горящую бумагу — а дна не видно.

Бросишь камень — а стука не слышно.

Подставишь щёку — ветер холодит. Ветер чёрной глубины...

Приставишь к уху ладонь — шумит. Плещет глубинная вода...

Не пройденные проходы, не проползённые лазы, не измеренные пропасти. Не осмотренные тупики, не услышанные водопады, не переплытые озёра. Не увиденные сталактиты, не открытые пещерные рисунки, не найденные подземные сокровища.

Реки, которые ещё не знают весла. Каменные цветы, которых не касались руки. Гулкие залы, в которых ещё не ступала нога человека.

Наверное, эта, ещё никем не открытая, пещера и есть самая глубокая, самая красивая, самая удивительная в мире.

Потому-то она и самая-самая интересная.

Вазы, чаши, бокалы...

Я перечисляю то, что вижу.

Колонны, драпировки, статуи. Пагоды, минареты, башни. Скребки для шкур, наконечники копий и стрел.

Где можно увидеть вместе все эти разные вещи?

Конечно, в музее, хорошем городском музее. И ещё в одном месте — в пещере.

Пещера — это музей природы.

Прохлада и тишина. Блеск сталактитов и сталагмитов. Скульптуры из камня, глины и льда. Балдахины и занавесы из гипса. Каменные цветы, драгоценные камни. Мрамор, хрусталь, жемчуг. Наскальные рисунки первобытных людей, кости вымерших животных.

Да, это музей!

Музей природы, которому тысячи лет.

В музеях принято надевать неслышную мягкую обувь. В музеях говорят вполголоса. И ничего не хватают руками. Это в тех музеях, которые создали люди. А в пещерах — в музеях природы — пока ещё всё не так. Там ещё слышится топот тяжёлых сапог, грохот железного молотка, звон разбитых кристаллов.

Сумки, набитые осколками украшений. Раздавленные цветы. Разграбленные ниши — витрины. Копоть на стенах от свечей.

И под землю проник браконьер.

Но против него — все честные исследователи пещер.

Против него заповеди открывателей. Вот они:

МЕСТО СТОЯНКИ ПОСЛЕ УХОДА ДОЛЖНО БЫТЬ ЧИЩЕ, ЧЕМ ДО ПРИХОДА;

В ОДНУ МИНУТУ МОЖНО УНИЧТОЖИТЬ ТО, ЧТО СОЗДАВАЛОСЬ ТЫСЯЧИ ЛЕТ;

СТО УМНЫХ ЛЮДЕЙ, ОТБИВШИХ ПО ОДНОМУ СТАЛАКТИТУ, НЕ ЛУЧШЕ ОДНОГО ДУРАКА, РАЗБИВШЕГО СТО;

МОЖЕТ, ВЫ В ПЕЩЕРЕ И ПЕРВЫЙ, НО НАВЕРНЯКА НЕ ПОСЛЕДНИЙ;

ЛЕТУЧИЕ МЫШИ НЕ МЕШАЮТ ТЕБЕ БОДРСТВОВАТЬ. А ТЫ НЕ МЕШАЙ ИМ СПАТЬ;

КОПТИТЬ ПОД ЗЕМЛЁЙ СТЕНЫ ХУЖЕ, ЧЕМ КОПТИТЬ НА ЗЕМЛЕ НЕБО;

ЧЕМ ЧАЩЕ БУДЕШЬ ПИСАТЬ СВОЁ ИМЯ НА СТЕНАХ, ТЕМ МЕНЬШЕ ЕГО ПРОСЛАВИШЬ.

Стоит ли лезть под землю?

На это вдруг не ответишь. И верно: сыро там, темно, холодно. Часто опасно и всегда очень тяжело. Нужно ли рисковать ради одних приключений?

Нет, подземные путешественники пускаются в путь не для того, чтобы вымокнуть, измазаться, заблудиться или упасть. Их влечёт тайна. Они открыватели и землепроходцы. Они первые. Они подземные Пржевальские и Миклухо-Маклаи. Они смелы и бескорыстны. И, как всегда бывает, от смелых и бескорыстных дел выходит самая большая польза.

Нашли под землёй много воды. Но ведь воду эту можно вывести наружу и оросить сухие поля!

Узнали, что вся толща земли пронизана ходами и норами. Значит, строить на этой земле нельзя — тут возможны обвалы.

Наткнулись на залежи соли, мрамора, гипса. Но это всё очень нужно!

А горячие и целебные источники? А руда и хрустальные погреба? А кости вымерших зверей? А рисунки и скульптуры, сделанные руками наших далёких предков?

Всё это нужно, всё это важно.

Всё это ждёт своих открывателей.

Вот они и идут...

На моей ладони жёлтая жемчужина...

Значит, были подземные реки, каменные леса, ледяные гроты. И вот этот пещерный жемчуг...

Значит, всё это не сон и не сказка.

И, значит, всё можно увидеть снова.

Стоит лишь захотеть!

...Я пошёл, я увидел, я сделал... Нет, это не я пошёл, не я увидел и не я сделал. Это всё он — исследователь пещер — спелеолог. Он пошёл, он увидел, он сделал. Это он протискивался в тесные щели, он нырял в подземные озёра, он делал открытия. А вот рассказал вам об этом — я.

СОДЕРЖАНИЕ

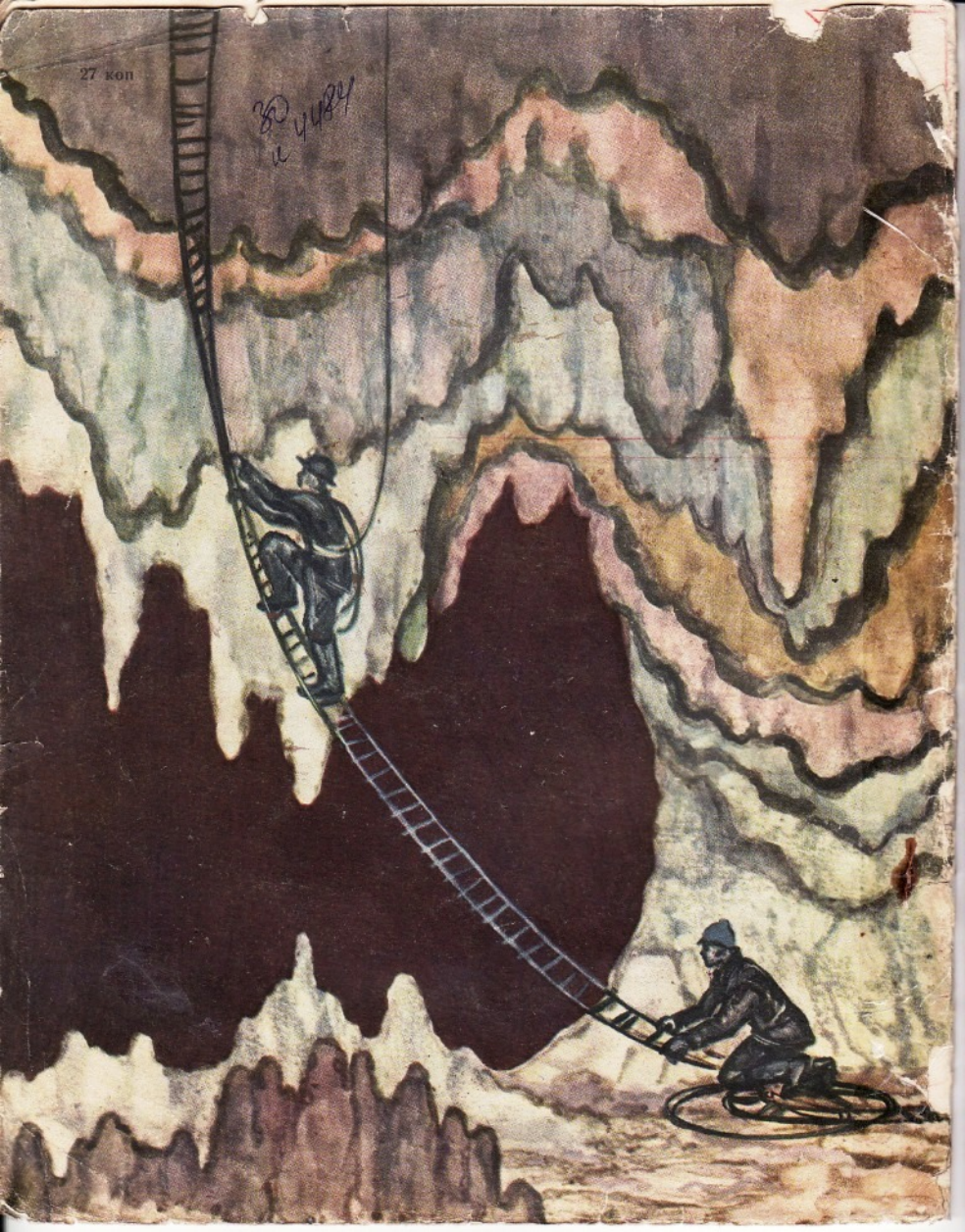
КАЖЕТСЯ 6
ТИШИНА... ТЕМНОТА 7
КАМЕННЫЙ ЛЕС 9
ВЕТЕР ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ 10
ПОЮЩАЯ СОЛЬ 11
ТАНЦУЮЩИЕ ЖЕМЧУЖИНЫ 13
ДЫХАНИЕ ВОДЫ 15
БАБОЧКИ ПОД ЗЕМЛЁЙ 17
ВСПОТЕВШИЕ ПОТОЛКИ 18
НЕДОТРОГИ 19
ХРУСТАЛЬНЫЙ ПОГРЕБОК 21
ЗЕЛЁНЫЙ СВЕТ 22
ХОРОШО! 24
САМАЯ ИНТЕРЕСНАЯ 26

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

СЛАДКОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
ПОД КАМЕННЫМ НЕБОМ

Ответственный редактор Н. Л. Страшкова.
Художник-редактор В. В. Куприянов.
Технический редактор З. П. Коренюк.
Корректоры Ю. А. Бережнова и К. Д. Немковская

Подписано к набору 7 I 1965 г. Подписано к печати 10 IX 1965 г. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 4. Уч.-изд. л. 3,8. Тираж 100 000 экз. ТП 1965 № 249. Ленинградское отделение издательства „Детская литература", Ленинград, наб. Кутузова, 6. Заказ № 524. Фабрика „Детская книга" № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати. Ленинград, 2-я Советская 7. Цена 27 коп.

27 коп

80
и 4484